

## ЧТО ТАКОЕ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЛАНДШАФТ?

Ю. Г. Тютюнник

*Институт эволюционной экологии Национальной академии наук, Украина*

*Поступила в редакцию 11 мая 2015 г.*

**Аннотация:** Рассмотрены дискуссионные вопросы теории промышленного ландшафта. Обоснован взгляд на промышленный ландшафт как самостоятельный ландшафтный феномен, который имеет свой оригинальный генезис, свои закономерности классификации и свои нетривиальные интерпретации в гуманитарной географии и эстетике ландшафта.

**Ключевые слова:** промышленный ландшафт, промышленный пейзаж, антропогенное ландшафтоведение, техногенный вариант ландшафтной сферы, индустриальное наследие.

**Abstract:** Debating points of industrial landscape theory have been considered. The view on the industrial landscape as an independent landscape phenomenon that has its original genesis, its classification regularities and its non-trivial interpretations in humanitarian geography and landscape aesthetics has been justified.

**Key words:** industrial landscape, industrial landscape, man-made landscape studies, technogenic variant of the landscape sphere, industrial heritage.

Понятие промышленного ландшафта в антропогенном ландшафтоведении существует уже не первое десятилетие, однако, что это такое – вопрос далекий от ясности. В этом нетрудно убедиться, анализируя новейшие работы. Большинство географов, обсуждая понятие «промышленный ландшафт», говорят о нем в общих чертах: обусловлен-де промышленным производством. Когда же логика научного объяснения требует ответа на вопрос «а что конкретно Вы понимаете под промышленным ландшафтом?», категория промышленного ландшафта подменяется понятием ландшафта горнопромышленного. Или используются эвфемизмы-заменители – «ландшафтно-техногенный комплекс», «геотехническая система», «природно-техническая геосистема» и другое. На ранних этапах развития антропогенного ландшафтоведения теоретические конструкции такого рода были оправданными, они помогали ландшафтоведам «осваивать» методологически весьма непростую область исследований. Однако со временем, «техногенно-системные» трактовки промландшафта превратились в тормоз – и теоретический, и методический, и эмпирический. Возникла необходимость в выработке более глубокого понимания того, что есть суть промышленный ландшафт.

**Немного истории.** Кто и когда среди географов первым начал смотреть на промобъект и промплощадку, как на ландшафт, сказать не просто. Вопрос требует отдельного изучения. Пока же будем считать, что взгляд на промплощадку (промзону, промузел), как на ландшафт, берет свое начало в концепции *экономического ландшафта* Августа Леша (1940). Сквозь призму экономики, в частности географических закономерностей размещения пивоваренных заводов в Германии, исследователь выдвинул положение об экономическом ландшафте, как «системе рыночных сетей» [12]<sup>1</sup>. Тем самым между экономикой промышленности территории и ее ландшафтами был переброшен смысловой «мостик». Формально, Леш не ставил перед собой какой-либо эпистемологической цели увязать физико-географическое понятие ландшафта с промышленностью. Однако имплицитно случилось именно так, и тезис о промышленном ландшафте, как разновидности ландшафта экономического, нашел своих продолжателей (об этом – ниже).

<sup>1</sup> Нужно сказать, что сам А. Леш указывает на соотечественника Р. Хепке, оперировавшего категорией экономического ландшафта еще в 1928 году. Однако существует еще более ранняя работа, в которой употребляется эта категория: Котов А. А. Экономический ландшафт полосы Северной железной дороги от станции Москва до станции Пушкино. М., 1923. 68 с. К сожалению, для нас она оказалась недоступной.

В отечественной географии о промышленной площадке, как о ландшафте, первым заговорил, по видимому, В. В. Покшишевский. Он рассматривал промландшафт, как одну из разновидностей *городского ландшафта* в рамках инициированного им городского ландшафтоведения [16, 17]. В своих «микрореографических» описаниях городского ландшафта, он дает подробные характеристики промышленных территорий и зон, преимущественно с градостроительных и экономико-географических позиций. Но в одном месте В. В. Покшишевский, характеризуя промышленные территории, как морфологические части городского ландшафта, неожиданно обращается к пейзажу, который он понимает как «внешнее выражение» индустриального городского ландшафта [16, с. 102]. Обращение к столь своеобразному приему идентификации промышленного ландшафта обуславливалось, с одной стороны, отсутствием на тот момент (1957) методологических и методических оснований для «классического» рассмотрения промобъекта в качестве полноценного ландшафта, а с другой – колоссальной интуицией исследователя, на несколько десятилетий опередившего свое время и увидевшего в образе промышленного ландшафта его органическую составляющую.

Интенции о промышленном ландшафте мало по малу развивались в 1960-х – первой половине 1970-х годов в рамках исследования городских ландшафтов, промландшафты виделись одной из типологических разновидностей городских ландшафтов (работы С. Н. Глазычева, Я. Р. Дорфмана, А. С. Крюкова, Ф. В. Тарасова, В. Д. Стерлигова и других. Как об отдельной ландшафтоведческой категории, о промландшафтах говорилось в работах белорусского исследователя В. Л. Лаходанова [11] и эстонских – К. Кильдема и Э. Аннука [7]. Но их небольшие статьи прошли незамеченными.

Всплеск внимания физико-географов к промышленному ландшафту произошел после выхода в свет книги Ф. Н. Милькова «Человек и ландшафты» (1973). В ней четко и веско было заявлено о существовании промышленных ландшафтов, термин получил путевку в жизнь. Однако словосочетанием «промышленный ландшафт» Мильков обозначил вовсе не территории, занятые промышленными зонами, узлами и площадками, а *горные выработки*. По существу, произошла подмена понятия «промышленный ландшафт» понятием «горнопромышленный ландшафт» [14, с. 84-105]. В дальнейшем такая подмена стала традиционной для сторонников взглядов Ф. Н. Милькова. Что ка-

сается собственно промплощадок и промобъектов, их исследователь называет *фабрично-заводскими ландшафтами* (позднее употреблялся также термин «промышленно-заводские»). Казалось бы, терминологическое и эвристическое недоразумение исправлено. Но при ближайшем рассмотрении фабрично-заводские ландшафты выглядят странно. Фабрично-заводские ландшафты рассматриваются им, как тип городского ландшафта (что делалось и ранее); но, судя из понимания городских ландшафтов Мильковым, реальной физической территорией, на которой идентифицируются фабрично-заводские ландшафты, выступают только те участки, на которых нет «каменистого покрова» – заводские скверы, например, или пустыри. Такая трактовка промландшафта уводит в сторону от рассмотрения проблемы по существу – прежде всего, по существу «предметного наполнения», если можно так выразиться. Ведь абстрагироваться полностью от «каменистого покрова» невозможно. И для того, чтобы как-то «примирить» его с концепцией антропогенного ландшафта в целом, и фабрично-заводского в частности, Ф. Н. Мильков вводит понятие *ландшафтно-техногенного комплекса* (позже *системы*). Именно он, по его мнению, образуется на той территории, где расположены цеха и домны, электролизеры и коксовые батареи, реакторы и генераторы... Эта новация подхватывается последователями и консервируется на долгие годы – по сей день.

Однако, понятием ландшафтно-техногенного комплекса (системы) на заре антропогенного ландшафтоведения пользовались далеко не все физико-географы. В последствие в антропогенном ландшафтоведении возобладал подход Милькова. Но в начале 1970-х у его точки зрения были сильные конкуренты. Выше упоминались В. Л. Лаходанов, К. Кильдема, Э. Аннука. Можно указать также на точку зрения Е. Г. Шеффера и В. В. Вессарта (1974), считавших, что в состав «антропогенного ландшафтно-техногенного комплекса» входят «компоненты, созданные обществом» [21]. С. Н. Глазычев (1970) рассматривал совокупность «природный комплекс / инженерное сооружение» не в качестве «системного» эвфемизма, а как вполне реальный ландшафт, который он предлагал называть «общегеографическим» [2, с. 36-37]. А. С. Крюков (1967) утверждал, что «разнообразные элементы города (здания, промышленные предприятия, транспорт, коммуникации городского хозяйства) выполняют функции компонентов ландшафта» [8, с. 7]. Развивая его мысль, не трудно прийти к выводу, что

скопление этих производственных «аналогов ландшафтных компонентов» должно сформировать некий новый ландшафт... Неординарными были взгляды на промландшафт некоторых экономико-географов. Например, сотрудник МГУ И. Ф. Зайцев попытался провести аналогию между морфологией ландшафта Н. А. Солнцева, ставшей к тому времени официальной ландшафтоведческой школой Московского университета, и экономическим ландшафтом А. Леша. Экономический ландшафт он делил на «экономические местности», экономические местности – на обобщенные экономические контура – «экономические урочища», а последние на элементарные экономические контура – аналоги физико-географических фаций. В экономическом ландшафте выделялась особая категория промышленного экономического ландшафта, в котором Зайцев различал обобщенные экономические контура – «экономические урочища» – большие цеха и группы цехов [5, с. 68-78]. Так обстояло дело в нарождающейся теории промышленного ландшафта до середины 1970-х годов.

Мы не станем продолжать анализ концепций промландшафта на более поздний период. Наша статья – не обзор. Для нас было важным показать, что уже в самом начале осмысления проблемы промышленного ландшафта в отечественной географии существовало две группы принципиально разных подходов к пониманию этого феномена. 1. Точка зрения Ф. Н. Милькова и его последователей: промландшафт – это или нарушенные горными разработками земли, или фрагменты промплощадок, свободные от «каменистого покрытия». 2. Взгляды разрозненных, не оформившихся в школы «конкурентов»: промышленный ландшафт – это самостоятельный ландшафтный феномен, который на правах ландшафтных компонентов и элементов должен включать всю сумму технических, технологических и инженерных объектов/факторов.

**Техногенные компоненты и феноменология промышленного ландшафта.** Отправным пунктом для разного понимания феномена промышленного ландшафта является отношение к «техногенному покрову» – ко всей сумме искусственных сооружений, конструкций, агрегатов, аппаратов, устройств, машин и коммуникаций, которыми промландшафт собственно и конституируется. Этот «покров» – внешний по отношению к ландшафту фактор воздействия, или его органическая составляющая? Можно, или нет считать его ландшафтным компонентом?

Вопрос о *техногенных компонентах ландшафта* вовсе не нов. По свидетельству В. Н. Калущкова, еще Л. С. Берг в 1929 году выделял не шесть ландшафтных компонентов, а восемь: шесть «классических» плюс самого человека и все то искусственное, что он создал [6, с. 44]. Затем этот момент из советской физической географии исчез, и человек со своими домами и машинами стал рассматриваться фактором и субстанцией внешним по отношению к ландшафту, воздействующим на него извне. Причиной тому был диалектический материализм, который в СССР и «странах соцлагеря», интерпретировался, как мы сегодня уже хорошо знаем, вполне догматически: общество, как «высшая форма движения материи», абсолютизировалось и противопоставлялось природной среде (при одновременных декларациях «теснейшего взаимодействия»). Современными исследованиями в области философской антропологии показано, что такой взгляд на взаимоотношение «природы и общества» ограничен и узок, характерен, в основном, для евро-американской культуры, да и то только на некоторых ее этапах («эпоха Просвещения») и не во всех слоях общества [4].

В 1998 году В. С. Преображенский остро поставил вопрос о том, выживет ли ландшафтоведение в 21-м веке, если по прежнему будет рассматривать человека «не как составляющую ландшафта, а как внешнюю силу его изменений либо как пассивного (и тоже внешнего) приемника его воздействия» [18, с. 17]. Сегодня, в толерантных и плюралистических методологических положениях, казалось бы, есть все условия для теоретического толчка в области антропогенного ландшафтоведения на основе тех мыслей о «компонентности» человека и артефактов, которые на его (антропогенного ландшафтоведения) заре высказывали Л. С. Берг, В. В. Покшишевский, Ю. Г. Саушкин и целый ряд немецких географов (Э. Нееф, Г. Рихтер, Й. Шмитхюзен и другие). Но сила инерции мышления слишком велика. И многие новейшие работы по антропогенному ландшафтоведению до сих пор следуют в русле традиции, рожденной более сорока лет назад: промышленный ландшафт это или горнопромышленные земли, или участки без «техногенного покрова» в пределах промзон и промузлов, или «нечто», содержащее в себе ландшафтно-техногенную систему. В Украине такие интенции наиболее последовательно реализуются специалистами из Винницкого педагогического института [3].

Принципиальное отличие промышленного ландшафта от горнопромышленного достаточно очевидно. Оно ясно просматривается уже в том, что последний не имеет сплошного «техногенного покрова» из машин и сооружений. В действующем горнопромышленном ландшафте обязательно наличие горнодобывающей техники, иногда железных дорог. Но они более или менее спорадичны. В основном же, функционирующий горнопромышленный ландшафт – это участки, если можно так выразиться, обнаженной литосферы. Заброшенный карьер или отвал лишается техники, если она не остается ржаветь, а процессы демутации – возобновления почв и биоценозов, наоборот, начинают споро трудиться над возвращением «нарушенной земли» в лоно природных ландшафтов. И уже через несколько лет заброшенные карьеры и отвалы превращаются в живописные ландшафты, которые не лишены порой эстетической привлекательности и могут выполнять полезные экологические функции.

Что касается ландшафтно-техногенных систем, то их отличительной чертой видится наличие некоего «управляющего блока», который функционирует «по общественным законам». Из-за «вмешательства человека», ландшафтно-техногенная система не может-де «развиваться по природным законам», а значит ландшафтом не является. Такова логика концепции.

Но если эта концепция – в лоне ландшафтоведения, то она должна что-то говорить о феноменологии ландшафтно-техногенной системы вообще и ее «блоков» в частности. Хотя понятие «блока» в контексте геокомпонентной парадигмы ландшафтоведения и избыточно, с ним еще как-то можно смириться. А вот что касается «управляющих» функций «технического блока» то возникает законный географический вопрос: а в какой предметной (геокомпонентной) среде это самое «управление» локализовано? «управляющий блок» – это заводоуправление? министерство? товарная биржа? или «невидимая рука рынка»? А может это ноутбук гендиректора? или оперативка у начальника смены? Внятных ответов сторонники теории ландшафтно-техногенных систем не дают. А из самой постановки таких вопросов следует, что так называемый управляющий блок ландшафтно-техногенной системы – *экстрриториальная* теоретическая конструкция. Не имея четкой локализации в реальном предметном мире, она выходит за рамки как физико-географической, так и экономико-географической науки.

В период становления антропогенного ландшафтоведения, когда его методологические основания были еще эвристически зыбки, положение о «блоковых» ландшафтно-техногенных системах, как *методика ad hoc*, безусловно, сыграло свою положительную роль. Однако методики данного типа не могут подолгу определять пути развития научного знания. Рано или поздно, она превращается в его тормоз и, следовательно, требуют преодоления.

Последнее в нашем случае не дребует особенных методологических напряжений. Достаточно отдать должное традиции, переступить через нее и пойти дальше – согласиться с таким простым утверждением, что все без исключения техногенные объекты, находящиеся на территории промышленной площадки, являются полноценными *ландшафтными компонентами*. Дальше эвристический «клубок» промышленного ландшафтоведения начнет «распутываться» сам собой.

**Промышленный ландшафт и ландшафтоведческая таксономия.** Хорошим способом проверки на прочность любых теоретических построений ландшафтоведения, претендующих на новизну, может служить их соответствие логике и принципам ландшафтоведческой таксономии и классификации. Зададимся и мы вопросом о месте промышленных ландшафтов в общеландшафтоведческой классификации. Попытки найти промышленному ландшафту «таксономическую нишу», основываясь на естественно-ландшафтоведческих классификациях, на наш взгляд, к нужному результату не привели. Причиной этого является то, что промышленные ландшафты (а также урбанизированные и транспортные) не относятся к ландшафтам наземного варианта ландшафтной сферы в понимании Ф. Н. Милькова. Они суть ландшафты иного ее варианта – техногенного [20]. Согласно Ф. Н. Милькову [13], варианты (отделы) ландшафтной сферы образуются на разных типах «контакта геосфер». Наземный отдел – на контакте «литосфера / атмосфера». Но техногенный покров – не литосфера. Если мы видим в нем геокомпонент, то, вклиниваясь между атмосферой и литосферой, он должен обуславливать возникновение нового типа контакта геосфер – «литосфера / техносфера / атмосфера». Следовательно, должен формироваться и новый вариант ландшафтной сферы – техногенный.

Получая столь высокий таксономический статус, промышленный ландшафт (а вместе с ним и другие разновидности *техногенных ландшафтов*),

приобретает относительную методологическую и методическую автономию: его нельзя изучать на основе приемов, разработанных для ландшафтоведческого изучения наземных природных и измененных человеком ландшафтов – ландшафтов, не имеющих сплошного техногенного покрова. Аналогичная эвристическая ситуация сегодня образовалась и в подводном ландшафтоведении – молодой, но уже сформированной отрасли ландшафтоведческой науки. И здесь к исследованию подводных (тип контакта «гидросфера – литосфера») и земноводных ландшафтов (тип контакта «атмосфера – гидросфера – литосфера») концепции и методы классического «сухопутного» ландшафтоведения мало применимы [20].

Представляя промышленные ландшафты ландшафтами самостоятельного отдела ландшафтной сферы, мы тем самым выводим их из-под «юрисдикции» традиционного ландшафтоведения (даже с поправкой на «антропогенность»), и получаем теоретическую возможность использовать для типизации и классификации промландшафтов совершенно новые принципы и подходы.

Впрочем, новые относительно; архитектурно-градостроительная наука к ним уже обращалась, и даже пыталась давать им своеобразные квази-ландшафтоведческие обоснования. Схема, которая вырисовывается, логически достаточно проста: сутью, квинтэссенцией промландшафта является технология, *технологический процесс*. Вокруг него выстраивается все множество функциональных и предметных корреляций, идентифицировав которые в пространстве, мы и сможем сформировать взгляд на промплощадку, промузел, промзону как на ландшафт и ландшафтный комплекс (сочетание нескольких ландшафтов). Отраслевыми исследованиями накоплен большой эмпирический материал о корреляциях промышленной технологии с суммой предметных (в т.ч. визуализированных) параметров, которые характеризуют промландшафт. Она коррелирует с экономико-географическими и экономическими особенностями промобъектов; с градостроительными и архитектурными их параметрами; с транспортом (подъездные дороги и пути) и демографией производства (пол, возраст, количество работающих); с охраной труда и гигиеной; с геохимическими особенностями технологических циклов и характером растительного покрова промзон («промышленная ботаника»); со свойствами микро- и даже мезоклимата промплощадок и с процессами образования особой таксономической разновидности почв – и

такая в современном почвоведении уже выделяется [1] – индустриоземов. Промплощадка, наконец, имеет свой неповторимый образ и свой культурно-исторический статус, на которых сегодня зиждется теория и практика сбережения индустриального наследия и многие направления современной архитектуры и дизайна. И это тоже коррелирует с технологией.

Ландшафтоведу, стремящемуся проникнуть в тайны промландшафта, остается «только» все эти корреляции упорядочить, комплектировать, ранжировать, локализовать, закартировать – в общем, выполнить свою обычную работу. Но с поправкой на то, что придется вникать в основы рудообогачения и коксохимии, электролиза и органического синтеза, технологии машиностроения и стройиндустрии, и многого-многого иного, что мы называем техническими науками. Не лишне также будет ознакомиться с промышленной архитектурой и медициной профессиональных заболеваний. И вот в этом-то всем для ландшафтоведа – новизна задачи. Адекватное ее понимание уже начинает формироваться [10], а попытки решения можно найти в пока еще скудном опыте разработки морфологии промышленного ландшафта. Выше указывалось на эксперимент И. Ф. Зайцева по привлечению солнцевской морфологии к членению промландшафта на низших уровнях локализации. Сегодня это выглядит наивным, но смелости исследовательской мысли автора на то время (начало 1970-х) нужно отдать должное. Еще раньше (1957) расчленял промландшафт на «микрореографические» единицы В. В. Покшишевский [16]. Он не оперировал природно-ландшафтоведческими морфологическими категориями (они тогда еще только создавались), но степень комплексности учета параметров «микрореографических» участков промзон и промузлов у него была высокой. Наша попытка расчленить промышленный ландшафт «Криворожстали» (промландшафт ранга  $N$ ) базировалась на том, что в основе такого расчленения должна быть технология. Рассматривая ее с позиций геохимии техногенеза, мы на таксономическом уровне ранга  $N-1$  в пределах промышленной площадки металлургического гиганта выделили такие промышленные ландшафты: промландшафт коксохимического (1), агломерационного (2), доменного (3), сталеплавильного (4), прокатного (5) производства и тепловой электростанции (6). На таксономическом уровне  $N-2$  среди сталеплавильных промландшафтов предложено различать промландшафты мартеновского (4-1) и конвертерно-

го (4-2) производства; среди коксохимических – промландшафты коксовых батарей (1-1) и химических цехов (1-2). На таксономическом уровне  $N + 1$  пирометаллургические промландшафты черных металлов можно объединить с таковыми цветных металлов в ландшафтно-типологическую группу промландшафтов пирометаллургических; а все металлургические заводы – пирометаллургические, электрометаллургические, гидрометаллургические, химико-металлургические – в ландшафтно-типологическую совокупность ранга  $N + 2$  металлургических промышленных ландшафтов [19].

Важным аспектом промышленного ландшафта нам представляется его *образ*. Не случайно в одной самых первых попыток «улавливания» смысла промышленного ландшафта, предпринятой В. В. Покшишевским, мы находим обращение к категории индустриального пейзажа. Благодаря усилиям географов-гуманитариев и культур-ландшафтоведов последних лет, мы уже хорошо знаем, что географический образ – важнейшая характеристика ландшафта; его идеальная составляющая; его внешнее выражение – пейзаж. Без которого ландшафта не бывает. Да, усилия же ревнителей охраны природы и геоэкологов последних десятилетий создали в сознании и большинства географов-профессионалов, и «широких масс» образ завода и фабрики, как «врагов» природных ландшафтов. До сих пор [3], характеризуя промышленный ландшафт, специалисты по антропогенному ландшафтоведению, начинают с перечисления площадей нарушенных земель, указания величин ПДК и ПДВ, страшилок из области охраны труда и профессиональных болезней («онкология», «облучение», «силикоз» и т.п.). А зачем? Ведь промландшафт – это просто зеркало человеческих желаний. Если промландшафт – «монстр», то значит наши желания монструозны: мы ненасытны в своих стремлениях к товарам и услугам, к продуктам потребления и бытовому комфорту. А технология, разрушающая природу, – только способ, механизм их ублажения. В истории это называется прогрессом.

**Промышленный ландшафт как пейзаж и наследие.** Самостоятельный художественный жанр пейзажа в европейском изобразительном искусстве был вызван к жизни в 1470-х – 1490-х годах творческими усилиями таких мастеров Возрождения, как Пьеро дела Франческа, Леонардо да Винчи и Альбрехт Дюрер. Последнего, в связи с тем, что он изобразил достаточно много настоящих пейзажей на акварелях 1490-х – 1500-х годов,

иногда называют основоположником жанра пейзажа в европейской живописи [4].

Но какое отношение это имеет к промышленному ландшафту?

Следующее. На рисунках и полотнах названных мэтров, а особенно на акварелях Дюрера, изображается вовсе не «натура», а то, что мы сегодня именуем антропогенным ландшафтом: города, поселки и ... промообъекты. Таковы, в частности, рисунки Дюрера «Водяная мельница на горе», «Волочильня», «Ивовая мельница» и другие. Здесь перед нами изображения настоящих промышленных (на то время) ландшафтов! В XVI веке тенденция к изображению промышленных объектов и пейзажей набирает силу, особенно у мастеров Северного Возрождения. На картинах Якоба ван Рейсдала по отношению к целенаправленным изображениям промобъектов – ветряных и водяных мельниц – начинают *систематически* употребляться понятия «ландшафт» и «вид». А на таких рисунках как «Вид на Хогеслуйс» (1645) и «Водяные мельницы» (1660), а также на полотне «Две подливные водяные мельницы и человек открывающий шлюз» (1650), Якоб ван Рейсдал изобразил самые, что ни на есть настоящие промышленные ландшафты. Еще раньше (1639) до него это сделал Корнелис де Манн: полотно «Мануфактура по переработке китового жира на Шпицбергене». Европейский пейзаж в период своего зарождения и становления вовсе не чурался обращаться к изображению таких совсем «не пейзажных» в современном понимании объектов, как объекты производственного назначения.

В дальнейшем интерес к промпейзажу то утихал, то возрастал. Во второй половине XIX века в творчестве импрессионистов Клода Моне, Камилля Писсарро, Армана Гийомена, Станисласа Виктора Лепина промышленный пейзаж окончательно утверждается в качестве вполне кондиционного и самостоятельного художественного жанра. При этом, в отличие от работ мастеров предыдущих веков, в нем появляются социальные моменты и начинает быть заметным негативное восприятие промышленного ландшафта художником (эксплуатации рабочих, противопоставленность природе, разрыв «машинной» цивилизации с исторической традицией и другое).

В позднем модерне (1910-е) и – особенно – в эпоху авангарда (1920-е – начало 1930-х) принципы формообразования производственного строительства (промышленная архитектура) вышли за

пределы собственных «нужд производства» и начали активно влиять на гражданское строительство, предопределив в XX веке целый ряд стилей и эстетических концепций искусства архитектуры, градостроительства, дизайна [15]. Воспевание промышленного пейзажа достигает своего апогея. В живописи к искусству авангарда подключаются неоромантики (например, К. Богаевский) и художники так называемого социалистического реализма. Видение промышленного ландшафта оптимистично и жизнеутверждающе.

В 1960-х годах промышленный ландшафт начал подвергаться методичному анафеманствованию: в моду входит «борьба за экологию». Но и в таких условиях развивался и утверждался позитивный эстетический и исторический взгляд на него. Родилось широкое культурологическое движение *индустриальной археологии* (его основали английские художники-монументалисты); а позже традиционная охрана памятников науки и техники трансформировалась в теорию и практику сбережения *индустриального наследия*. Промышленные объекты, комплексы и ландшафты появляются в Списке Всемирного наследия. Среди них можно видеть и такие совсем уж непонятные, с обывательской точки зрения, объекты, как старинные шлакоотвалы (в древнем городе норвежских медеплавильщиков Реросе, занесенном в Список Всемирного наследия [9]). На основе индустриальных ландшафтов – объектов наследия (не обязательно Всемирного) развивается так называемый *индустриальный туризм*.

Промышленный объект и ландшафт не уходят из позитивного поля зрения художников и архитекторов, наоборот приносит совершенно неожиданные и оригинальные творческие плоды. Удивительны по своей художественной выразительности монументалистские архитектурно-пейзажные работы с производственными объектами австрийца Ф. Хундертвассера. Классикой «хай-теховской» ландшафтной архитектуры и дизайна сегодня уже стали такие парки как *Gas Works Park* в США, *Duisburg Nord* в Германии, *Демидов-Парк* в России. Это – промышленные ландшафты, превращенные в настоящие шедевры садово-паркового искусства, а заодно – и в форму индустриального наследия и исторической памяти места. Новые эстетические концепции в видении и использовании производственной среды рождаются в теории и практике так называемых *ливинг-машин* – производственных объектах, в которых воедино сплавляются технология, экология и эстетика. Огром-

ный творческий интерес к исторической производственной среде у молодежных субкультур.

В общем, промышленный ландшафт продолжает жить активной и разнообразной, порою неожиданной и во многих моментах (в частности, в гуманитарно-географических) пока еще мало понятной для ландшафтоведа жизнью. А значит для него в области изучения промышленного ландшафта – много интересной и продуктивной работы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропогенные почвы: генезис, география, рекультивация : учебное пособие / М. И. Герасимова [и др.]. – Смоленск : Ойкумена, 2003. – 268 с.
2. Глазычев С. Н. Краткий очерк развития городского ландшафтоведения / С. Н. Глазычев // Ученые записки Волгоградского государственного педагогического института. – 1970. – Вып. 35. – С. 36-37.
3. Денисик Г. І. Антропогенне ландшафтознавство: Навчальний посібник. Частина І. Глобальне антропогенне ландшафтознавство / Г. І. Денисик. – Вінниця : ТД Едельвейс і К, 2012. – 336 с.
4. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Ф. Дескола. – Москва : Новое литературное обозрение, 2012. – 580 с.
5. Зайцев И. Ф. Структурные уровни (экономико-географической системы) / И. Ф. Зайцев // Известия АН СССР. – 1972. – № 2. – С. 68-78.
6. Калуцков В. И. Ландшафт в культурной географии / В. И. Калуцков. – Москва : Новый хронограф, 2008. – 318 с.
7. Кильдема К. Исследование антропогенных изменений ландшафтов / К. Кильдема, Э. Аннука // VII совещание по вопросам ландшафтоведения : тезисы докладов. – Пермь, 1974. – С. 73-75.
8. Крюков А. С. Типология ландшафтов городов / А. С. Крюков // Вопросы географии городов : сборник статей. – Волгоград, 1967. – С. 3-30.
9. Культурные ландшафты как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. – Москва : Институт Наследия; Санкт-Петербург : Дмитрий Булавин, 2004. – 620 с.
10. Лауринас Ю. Методологические аспекты воплощенной энергии техногенных элементов ландшафтов / Ю. Лауринас // Теоретичні, регіональні, прикладні напрями розвитку антропогенної географії та геології : матеріали Третьої міжнарод. наук. конф. – Кривий Ріг : Видавничий дім, 2011. – С. 62-70.
11. Лаходанов В. Л. Некоторые вопросы рационального использования и формирования ландшафтов промышленных предприятий / В. Л. Лаходанов // Формирование и охрана ландшафта. – Минск, 1972. – С. 71-73.
12. Леш А. Географическое размещение хозяйства / А. Леш. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1959. – 456 с.

13. Мильков Ф. Н. Общее землеведение / Ф. Н. Мильков. – Москва : Высшая школа, 1990. – 336 с.
14. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты: Очерки антропогенного ландшафтоведения / Ф. Н. Мильков. – Москва : Мысль, 1973. – 224 с.
15. Морозова Е. Б. Промышленная архитектура: исторические закономерности и тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра Архитектуры : 18.00.05 – Архитектура зданий, сооружений, городских и сельских поселков, межселенных территорий. – Минск, 2008. – 46 с.
16. Покшишевский В. В. Некоторые вопросы микрогеографического изучения городов СССР / В. В. Покшишевский // Географический сборник. XI. Экономическая география. – Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1957. – С. 90-109.
17. Покшишевский В. В. О некоторых задачах комплексного физико-географического изучения городов / В. В. Покшишевский // Вопросы географии. – 1952. – Вып. 28. – С. 177-191.
18. Преображенский В. С. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков / В. С. Преображенский // Известия РАН. Сер. географическая. – 1998. – № 3. – С. 14-19.
19. Тютюнник Ю. Г. Промышленный ландшафт / Ю. Г. Тютюнник // География и природные ресурсы. – 1991. – № 2. – С. 135-141.
20. Тютюнник Ю. Г. Расширение объектной базы ландшафтоведения и его последствия / Ю. Г. Тютюнник // География и природные ресурсы. – 2004. – № 3. – С. 57-65.
21. Шеффер Е. Г. Вопросы изучения динамики ландшафтных комплексов в территориальных планировках / Е. Г. Шеффер, В. В. Вессарт // VII Совещание по вопросам ландшафтоведения (современное состояние теории ландшафтоведения) : тезисы докладов. – Пермь, 1974. – С. 68-69.
22. Kalutskov V. I. Landshaft v kul'turnoy geografii / V. I. Kalutskov. – Moskva : Novyy khronograf, 2008. – 318 s.
23. Kil'dema K. Issledovanie antropogennykh izmeneniy landshaftov / K. Kil'dema, E. Annuka // VII soveshchanie po voprosam landshaftovedeniya : tezisy dokladov. – Perm', 1974. – S. 73-75.
24. Kryukov A. S. Tipologiya landshaftov gorodov / A. S. Kryukov // Voprosy geografii gorodov : sbornik statey. – Volgograd, 1967. – S. 3-30.
25. Kul'turnye landshafty kak ob'ekt naslediya / pod red. Yu. A. Vedenina, M. E. Kuleshovoy. – Moskva : Institut Naslediya; Sankt-Peterburg : Dmitriy Bulavin, 2004. – 620 s.
26. Laurinas Yu. Metodologicheskie aspekty voploshchennoy energii tekhnogennykh elementov landshaftov / Yu. Laurinas // Teoretichni, regional'ni, prikladni napryami rozvitku antropogennoi geografii ta geologii : materialy Tret'oi mizhnarod. nauk. konf. – Kriviy Pig : Vidavnicхий dim, 2011. – С. 62-70.
27. Lakhodanov V. L. Nekotorye voprosy ratsional'nogo ispol'zovaniya i formirovaniya landshaftov promyshlennykh predpriyatiy / V. L. Lakhodanov // Formirovanie i okhrana landshafta. – Minsk, 1972. – S.71-73.
28. Lesh A. Geograficheskoe razmeshchenie khozyaystva / A Lesh. – Moskva : Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1959. – 456 s.
29. Mil'kov F. N. Obshchee zemlevedenie / F. N. Mil'kov. – Moskva : Vysshaya shkola, 1990. – 336 s.
30. Mil'kov F. N. Chelovek i landshafty: Ocherki antropogenogo landshaftovedeniya / F. N. Mil'kov. – Moskva : Mysl', 1973. – 224 s.
31. Morozova E. B. Promyshlennaya arkhitektura: istoricheskie zakonomernosti i tendentsii razvitiya : avtoref. dis. ... d-ra Arkhitektury : 18.00.05 – Arkhitektura zdaniy, sooruzheniy, gorodskikh i sel'skikh poselkov, mezhhselennykh territoriy. – Minsk, 2008. – 46 s.
32. Pokshishevskiy V. V. Nekotorye voprosy mikrogeograficheskogo izucheniya gorodov SSSR / V. V. Pokshishevskiy // Geograficheskii sbornik. XI. Ekonomicheskaya geografija. – Moskva-Leningrad : Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. – S. 90-109.
33. Pokshishevskiy V. V. O nekotorykh zadachakh kompleksnogo fiziko-geograficheskogo izucheniya gorodov / V. V. Pokshishevskiy // Voprosy geografii. – 1952. – Vyp. 28. – S. 177-191.
34. Preobrazhenskiy V. S. Ostrye problemy landshaftovedeniya na rubezhe vekov / V. S. Preobrazhenskiy // Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya. – 1998. – № 3. – S. 14-19.
35. Tyutyunnik Yu. G. Promyshlennyy landshaft / Yu. G. Tyutyunnik // Geografiya i prirodnye resursy. – 1991. – № 2. – S. 135-141.
36. Tyutyunnik Yu. G. Rasshirenie ob'ektnoy bazy landshaftovedeniya i ego posledstviya / Yu. G. Tyutyunnik // Geografiya i prirodnye resursy. – 2004. – № 3. – С. 57-65.

## REFERENCES

1. Antropogennyye pochvy: genezis, geografiya, rekultivatsiya : uchebnoe posobie / M. I. Gerasimova [i dr.]. – Smolensk : Oykumena, 2003. – 268 s.
2. Glazychev S. N. Kratkiy ocherk razvitiya gorodskogo landshaftovedeniya / S. N. Glazychev // Uchenye zapiski Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 1970. – Vyp. 35. – S. 36-37.
3. Denisik G. I. Antropogenne landshaftoznavstvo: Navchal'niy posibnik. Chastina I. Global'ne antropogenne landshaftoznavstvo / G. I. Denisik. – Vinnitsya : TD Edel'veys i K, 2012. – 336 s.
4. Deskola F. Po tu storonu prirody i kul'tury / F. Deskola. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 580 s.
5. Zaytsev I. F. Strukturnyye urovni (ekonomiko-geograficheskoy sistemy) / I. F. Zaytsev // Izvestiya AN SSSR. – 1972. – № 2. – S. 68-78.



21. Sheffer E. G. Voprosy izucheniya dinamiki landshaftnykh kompleksov v territorial'nykh planirovkakh / E. G. Sheffer, V. V. Vessart // VII Soveshchanie po vopro-

sam landshaftovedeniya (sovremennoe sostoyanie teorii landshaftovedeniya) : tezisy dokladov. – Perm', 1974. – S. 68-69.

Тютюнник Юлиан Геннадиевич

доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института эволюционной экологии Национальной академии наук Украины, г. Киев, Украина, т. +38(044)434-50-98, E-mail: [carmel@mail.ru](mailto:carmel@mail.ru), [carme@univ.kiev.ua](mailto:carme@univ.kiev.ua)

Tyutyunnik Yulian Gennadiyevich

Doctor of Geographical Sciences, Professor, leading researcher of the Institute of Evolutionary Ecology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine, tel. +38(044) 434-50-98, E-mail: [carmel@mail.ru](mailto:carmel@mail.ru), [carme@univ.kiev.ua](mailto:carme@univ.kiev.ua)